

Оглавление

От автора	5
Глава I	7
Глава II	19
Глава III	44
Глава IV	62
Глава V	95
Глава VI	116
Глава VII	159
Глава VIII	177
Глава IX	192
Глава X	214
Глава XI	242
Глава XII	261
Глава XIII	272

От автора

Читателю, надеюсь, очевидно, что я не стала бы выбирать подобное место действия для своего романа, если бы не была на собственном опыте знакома с работой военного госпиталя. Также надеюсь, ясно, что я старалась сделать все от меня зависящее, чтобы избежать описания каких-либо конкретных людей или какой-нибудь конкретной больницы. Однако во всех медицинских учреждениях имеются операционные, палаты и коридоры, и везде работают офицеры медицинской службы, медицинские сестры и добровольные помощники. Поскольку у всех персонажей имеется нос, рот и два глаза, а выбор цвета кожи и волос весьма ограничен, я призываю читателей не пытаться быть умнее автора — не надо распознавать портреты там, где автор их не планировал.

Глава I

В трех милях от Геронсфорда, в графстве Кент, почтальон Джозеф Хиггинс катил свой старенький красный велосипед в горку по направлению к Геронс-парку. До войны здесь был детский санаторий, который теперь срочно переоборудовали в военный госпиталь. Его унылые серые строения виднелись среди деревьев. Толкая вверх по склону вилявший из стороны в сторону велосипед, почтальон костерил госпиталь и его обитателей последними словами. Еще бы! Ему пришлось сделать крюк в шесть миль ради каких-то семи писем, которые вполне могли подождать до завтрашнего утра. Опершись рукой о руль, почтальон развернул конверты веером и теперь с отвращением их рассматривал. Первый был адресован начальнику госпиталя. Видать, от кого-то из новых лекарей, проищательно заключил Хиггинс, разглядывая письмо на просвет. Конверт из дорогой плотной бумаги со штемпелем Харлистрит, надписанный неразборчивым врачебным почерком...

Сидя в своем кабинете, Джарвис Иден тоже проклинал все и вся: он только что написал начальнику госпиталя в Геронс-парке, что намерен незамедлительно приступить к исполнению своих обязанностей. Последняя из его «очаровательных дам» только что удалилась, оставив на память о себе чек и приглашение на ужин. Она сразу же почувствовала себя лучше после «волшебного» уколчика (беспримесной H_2O). Иден не тешил себя иллюзиями, что жалованье хирурга Королевских вооруженных сил позволит ему вести шикарный образ жизни, но после мюнхенских событий подал заявление о включении его в список резервистов, и дальше отлынивать от службы было уже неловко. По крайней мере, он хоть на какое-то время отделяется от «очаровательных дам». Бросив взгляд в зеркало, Иден в тысячный раз отметил некрасивое лицо, седеющие волосы, тошную угловатую фигуру и беспокойно движущиеся руки. Одному богу известно, что все эти женщины в нем находили.

Иден позвонил в звонок и попросил явившуюся на его зов хорошенькую секретаршу отправить письмо. Она сразу же разразилась слезами при мысли о его отлучке; в конце концов из одного только человеколюбия ему пришлось потратить пару минут на то, чтобы утешить бедняжку.

Хиггинс отложил письмо Идена и обратился к следующему. Большой квадратный конверт, надписанный крупным подчерком. Так обычно

пишут женщины: энергично, размашисто, заполняя все свободное пространство. Какая-нибудь медсестра...

Джейн Вудс написала два письма: одно в Австрию, другое в Геронс-парк. Закончив три рисунка с совершенно очаровательными, хотя и абсолютно непрактичными моделями комбинезонов — чтобы быстро нацепить их на себя, если среди ночи потребуется добежать до бомбоубежища, — она отправила их мистеру Сесилу с Риджент-стрит, который платил ей по три гинеи за каждый, а потом выдавал за свои. Швырнув оставшиеся работы в мусорное ведро, она обзвонила компанию обаятельных подонков общества, к которой принадлежали ее друзья, и созвала их на вечеринку в маленькую, элегантно обставленную однокомнатную квартиру.

— Ешьте, пейте и предавайтесь любви! — воскликнула мисс Вудс. — Поскольку уже завтра мы вступаем в добровольческие подразделения помощи фронту.

Она стояла перед камином с бокалом шампанского в руке: крупная смуглая женщина лет сорока с некрасивым, слегка потасканным лицом, большой грудью и удивительно стройными ногами.

— Джейн, дорогая, мы ведь просили тебя не ходить на эти фантастические лекции, — воскликнули подонки общества, которые все, как один, тоже туда ходили. — Вуди, я просто не

представляю, как ты будешь подносить больным утки!

— Вуди, с чего вдруг тебе это взбрело в голову?

Джейн приготовила друзьям в подарок небольшой набросок — она в образе Флоренс Найтингейл склоняется над постелью героического страдальца. (Да убери же ты свою чертову лампу, Фло!) Оставшись наконец одна, мисс Вудс уткнулась в подушку и зарыдала, размазывая краску для ресниц: непереносимые муки совести вынудили ее пожертвовать беззаботной жизнью и успешной карьерой во искупление греха, в котором не было ее вины, да и самого греха, возможно, не было.

Следующее письмо было написано девичьим почерком, немного сползающим вниз в конце каждой строки. «Признак депрессии, — отметил Джозеф Хиггинс, поскольку только два дня назад прочел об этом в воскресной газете. — Еще одна медсестра. Наверное, ей, бедняжке, совсем туда не хочется».

Тут он ошибся. Эстер Сэнсон всей душой стремилась в Геронс-парк.

Стоя с письмом в руке, она глядела на мать и улыбалась: уж слишком близко к сердцу приняла миссис Сэнсон последние события в Геронсфорде, где располагалось одно из подразделений Добровольческой женской службы.

— Нет, мам, ни за что не поверю! Ну не могла она связать носки для моряков из этой детской пряжи! Ты все выдумала!

— Даю тебе честное слово, Эстер, одна пара — розовая, другая — голубая. Я глазам своим не поверила, когда увидела. Я ей говорю: «Миссис Толсти...»

— Миссис Толсти!.. Мама, ты меня разыгрываешь, таких фамилий не бывает!

— Честное слово, миссис Толсти или что-то в этом духе... «Миссис Толсти, — говорю я ей...» — Мать внезапно замолчала, и веселый огонек в ее голубых глазах померк. — Кому ты пишешь, Эстер? Неужели в госпиталь?

— Я буду медсестрой в стационаре, — быстро ответила Эстер. — Я указала, что не могу уехать из Геронсфорда. И оставаться на ночные дежурства тоже не смогу.

— Но авианалет может случиться и днем. А если во время налета я окажусь заперта здесь, в квартире на последнем этаже? Ведь я, со своей больной спиной, буду совершенно беспомощна!

— Твоя спина в последнее время тебя почти не беспокоит, дорогая! Выбралась же ты сегодня на встречу в местное отделение Добровольческой женской службы.

— И теперь чувствую себя просто ужасно! — воскликнула миссис Сэнсон. В то же мгновение, словно по волшебству, у нее под глазами прорисовались темные круги и лицо исказилось выражением сдерживаемой боли. — В самом деле, Эстер, ты приносишь в жертву нас обоих! Я просто не справлюсь тут без тебя.

Она сидела на диване, свернувшись клубочком, как котенок, и смотрела на дочь из-под длинных светлых ресниц. Старое испытанное средство до сих пор ни разу ее не подводило.

— Конечно, дорогая, если тебе очень хочется...

Неподвижно стоя у окна, Эстер смотрела на открывавшийся перед ней чудесный сельский пейзаж. Впервые за всю свою жизнь она промолчала. В этом году ей исполнилось двадцать семь лет. У нее были узкие ступни и тонкие руки, которые принято связывать с хорошими манерами, и правильное, овальной формы лицо, обрамленное тусклыми волосами, словно у мадонны, спустившейся из ниши в стене тихой старой церкви и сдержанно шествующей сквозь бушующие страсти незнакомого мира. И хотя Эстер не привыкла противиться воле матери, она понимала, что теперь решение предстоит принимать ей одной. Медленно отойдя от окна и повернувшись к нему спиной, она сказала:

— Дело не в том, хочется мне или нет, просто я должна это сделать.

— Но почему, дорогая?

— Потому что я не могу оставаться в стороне. А кроме того, там у меня появятся какие-то навыки, какая-то... ну, не знаю... другая жизнь! Подумай, какой одинокой и беспомощной я останусь, если с тобой что-нибудь случится. У меня не будет ни денег, ни знаний, ни друзей... А так хоть получу какой-то опыт... Кроме того, я всегда хотела ухаживать за больными...

— У тебя слишком возвышенные представления, дорогая, — заметила миссис Сэнсон. — На самом деле это просто ужасно: грязь, убожество и вонь.

Эстер несколько лет нежно ухаживала за совершенно здоровой матерью и в этом замечании не услышала ничего для себя нового. Она только лишь улыбнулась и сказала, что готова к любой работе.

— Ведь я иду туда не ради удовольствия, правда? Возможно, придется с утра до вечера мыть полы, и мне даже не доверят стелить постели. — Она подошла и села на пол перед диваном, уткнувшись головой в материны колени. — Mamочка, не сердись! Ты тоже должна принести жертву. Ты у нас сильная и храбрая, соберись с духом и отпусти меня.

Мать отодвинулась и, свернувшись испуганным комочком в углу дивана, закрыла свои большие голубые глаза маленькими ладошками.

— Но авианалеты, Эстер! Авианалеты! А если я окажусь здесь, наверху, одна-одинешенька, когда вокруг начнут падать бомбы? Как же я справлюсь? Что я буду делать? Эстер, дорогая, не оставляй меня, скажи, что ты отказываешься... Порви письмо!

Однако Эстер встала, медленно, словно через силу, сошла вниз по лестнице и опустила письмо в почтовый ящик.

Два следующих конверта были надписаны знакомыми Хиггинсу почерками. В одном он распознал каракули старого мистера Муна — хирурга,

работавшего в Геронсфорде с незапамятных времен, а в другом — руку местного анестезиолога Барнса.

— Что же получается, они оба сюда собрались? — удивился Хиггинс, хмуро разглядывая конверты. — Мне казалось, что по крайней мере Барнс поедет куда-нибудь в другое место. Ведь у военнослужащих нет выбора, они должны ехать туда, куда их пошлют...

Примерно то же самое сказал мистер Барнс, когда они с мистером Муном, отправив письма, возвращались домой.

— Я подал заявление в Геронс-парк, чтобы иметь возможность время от времени помогать отцу, но теперь мы на военной службе, нравится нам это или нет.

— Мне, пожалуй, нравится, — ответил мистер Мун, двигаясь рядом с приятелем по круто поднимавшейся вверх дороге. Благодаря добросовестным утренним пробежкам он ни капли не запыхался. — Даже очень нравится.

Немного сутулящийся и полноватый коротышка Мун походил на Черчилля в миниатюре, с розовыми щечками и пушистыми седыми волосами, заметно редющими на макушке. Его голубые глаза лучились добротой, и разговаривал он словно персонаж романа Диккенса, пересыпая свою речь маленькими смешками и междометиями, — правда, без диккенсовской слащавости.